

Научная статья
УДК 821.161.3-32.09«19»
DOI: 10.37724/RSU.2023.79.2.013

Художественный мир цикла «Крохотки» А. И. Солженицына

Галина Ивановна Романова

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия
galinroma@mail.ru

Юлия Андреевна Рябцева

Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына,
Москва, Россия
ensnaredsenses@ya.ru

Аннотация. В цикле А. И. Солженицына «Крохотки» проанализированы такие аспекты художественного мира, как пространство и время, сюжет, система персонажей. Отмечено, что пространство цикла дискретно и фрагментарно, в нем явно выделяются два слоя: соотносимый с реальностью и абстрактный, не связанный с географическим пространством (притчевый). Пространственная оппозиция здесь/езде, соответствующая противопоставлению сиюминутного вечному, является основой сюжета цикла, имеющего автобиографическую основу, — путешествие по России, преимущественно по Рязанскому краю. Основной конфликт заключается в противоречивом сознании патриота-интеллекта официальной идеологии, требующей от граждан «всеобщего удовлетворения», то есть оптимистической оценки своей жизни. Тот же конфликт прослеживается и в системе персонажей, в которой можно выделить группы действующих лиц, связанных с определенным пространством. Картина мира представлена в цикле первичным субъектом речи, максимально приближенным к автору, его речь резко отделена от высказываний других персонажей, но предполагает диалог с вполне определенным адресатом-единомышленником. Художественная специфика миниатюрных рассказов Солженицына, в частности черты притчи, поучения, стремление автора воспроизвести народную речь, воспринимаются современным читателем в русле литературной традиции, проявившейся в народных рассказах Л. Н. Толстого.

Ключевые слова: композиция, литературная традиция, пространство и время, система персонажей, сюжет, художественный мир, А. И. Солженицын, Л. Н. Толстой.

Для цитирования: Романова Г. И., Рябцева Ю. А. Художественный мир цикла «Крохотки» А. И. Солженицына // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2023. № 2 (79). С. 134–140. DOI: [10.37724/RSU.2023.79.2.013](https://doi.org/10.37724/RSU.2023.79.2.013).

Original article

Poetic world of A. I. Solzhenitsyn's series, *Krokhutki*

Galina Ivanovna Romanova

Moscow City Pedagogical University,
Moscow, Russia
galinroma@mail.ru

Yulia Andreyevna Ryabtseva

Alexander Solzhenitsyn's House of Russian Emigre Studies,
Moscow, Russia
ensnaredsenses@ya.ru

Abstract. The paper addresses such aspects of A. I. Solzhenitsyn's series of miniatures, *Krokhotki* as the author's poetic world, space and time, the plots, and the system of characters. The paper notes that the space of the cycle is discrete and fragmentary, and two layers are clearly distinguished in it: the one that is correlated with reality and a more general layer that is not connected with geographical space (like in the parable genre). The plot basis in the cycle is the spatial opposition of *here – everywhere*, corresponding to the opposition of the momentary to the eternal, is, which has an autobiographical basis: the author's journey through Russia, mainly Ryazan Region. The main conflict lies in the conscious opposition of the patriot-intellectual to the official ideology, which requires citizens to express "universal satisfaction," that is, an optimistic assessment of their life. The same conflict can be traced in the system of characters, where it is possible to single out groups of agents associated with a certain space. The picture of the world is presented in the cycle by the primary subject of speech, as close as possible to the author, his speech is sharply separated from the statements of other characters, but involves a dialogue with the understanding reader. The artistic specificity of Solzhenitsyn's miniature stories, in particular features of a parable, moral instruction, and the author's interest in using folk speech, are perceived by the modern reader in line with the literary tradition that manifested itself in L. N. Tolstoy's stories written for the common folk.

Keywords: composition, literary tradition, space and time, system of characters, plot, poetic world, A. I. Solzhenitsyn, L. N. Tolstoy.

For citation: Romanova G. I., Ryabtseva Yu. A. Poetic world of A. I. Solzhenitsyn's series, *Krokhotki*. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2023; 2 (79):134–140. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2023.79.2.013.

Введение

В XXI веке растет интерес к творчеству А. И. Солженицына, предсказавшего многие проблемы и коллизии нашего времени и давшего яркие картины жизни. С обращением к циклу «Крохотки» (1958–1963), новаторскому в жанровом и художественно-эстетическом отношении, связана **актуальность** темы нашего исследования. Литературоведов привлекает вопрос о жанровом своеобразии «Крохоток» [Кизима, 2020, с. 191–208], их месте в ряду произведений «малой прозы» [Орлицкий, 1995, с. 80–86], значении лирического начала миниатюр, которые в ряде случаев относят к стихотворениям в прозе [Галанинская, 2019, с. 368–374]. Непосредственно с проблемой жанра связан вопрос об этом цикле как художественном единстве [Акелькина, 2019, с. 10–14]. Интерпретацию его общего смысла связывают с философскими мотивами [Урманов, 2011, с. 41–61], с религиозно-философской концепцией [Цынк, 2017, с. 55–62], с идеей духовной стойкости [Колобаева, 1999, с. 39–44]. Рассмотрены некоторые особенности художественной речи «Крохоток» [Гехтляр, 2012, с. 273–276], акцентируется ее близость к лирике [Галанинская, 2021, с. 30–36]. При этом такие аспекты художественной формы, как мир произведения [Нива, 2018, с. 92–111], композиция, субъектная организация речи, еще не становились предметом изучения. Недостаточно проанализированы такие компоненты художественного мира, как хронотоп, сюжетная сфера и персонажи. Обращением к этим сторонам художественного целого «Крохоток» обусловлена **новизна** предлагаемой статьи. Анализ названных аспектов с целью расширения представлений о художественной специфике цикла является ее **целью**, для решения которой используются историко-генетический и структурно-семиотический **методы**.

Основная часть

Для определения цикла как художественного единства необходимо обратиться к истории его формирования. Первая публикация цикла А. И. Солженицына состоялась в журнале «Грани» в 1964 году под названием «Этюды и крохотные рассказы» [Солженицын, 1964, с. 1–11]. Первоначальное авторское название однозначно обозначает эпический род и жанр рассказа, традиционно отличающийся в русской литературе углубленным психологизмом. В состав цикла вошли: «Дыхание», «Озеро Сегден», «Прах поэта», «Утенок», «Отражение в воде», «Город на Неве», «Костер и муравьи», «Приступая ко дню», «Гроза в горах», «Вязовое бревно», «Шарик», «На родине Есенина», «Колхозный рюкзак», «Мы-то не умрем», «Путешествуя вдоль Оки». Это, условно говоря, первый цикл, к которому относятся рассказы, написанные в 1958-м–1960-х годах. Позже он был дополнен «крохотками» «Способ двигаться», «Старое ведро», «Молитва», последняя из них значительно влияет на родо-жанровый характер произведений, составляющих цикл. В 1990-е годы был опубликован и второй цикл «Крохоток» [Солженицын, 2007, т. 1, с. 557–571], который остается за пределами данного исследования.

Чертами, объединяющими ряд произведений в цикл как единое целое, по признанию теоретиков, являются: общее название, устойчивость порядка следования частей, единство позиции первичного субъекта речи, общий смысл при монтажной композиции и относительной самостоятельности произведений (так называемая «вторичная целостность»), сквозные мотивы и образы. Однако не меньшее значение имеет, на наш взгляд, единство художественного мира, представление о котором складывается у читателей по прочтении цикла. Это метасловесная сфера произведения, представляющая собой единство, в котором действуют свои социальные и психологические законы, особые причинно-следственные связи, для которого характерна особая эмоциональная атмосфера, логика мышления и тип эмоциональности, присущие первичному субъекту речи (повествователю, рассказчику).

Единство и целостность художественного мира, его координаты и границы наиболее очевидно проявляются в пространственно-временной организации. *Пространство* цикла «Крохотки», на первый взгляд, дискретно и фрагментарно. В нем явно выделяются два слоя: соотносимый с реальностью (яблоневый сад, озеро Сегден, деревня Льгово, горы Белала-Кая и Джугутурлючат, город на Неве, родина Есенина, проселки вдоль реки Оки) и абстрактный, не связанный с географическим пространством. Это рассказы «Утенок», «Вязовое бревно», «Отражение в воде», «Способ двигаться», «Старое ведро», «Шарик», «Колхозный рюкзак», «Костер и муравьи», «Мы-то не умрем», «Приступая ко дню», «Молитва». Разноплановость отражена в заголовках, которые тоже делятся на две группы: представляющие собой номинацию места действия и обозначающие предмет, вызвавший размышления о том, что происходит везде (и всегда). Однако и миниатюры второй группы воспринимаются в пространственном контексте соседних фрагментов цикла, где конкретно и емко обозначено место — «Средняя Россия» («Путешествуя вдоль Оки»). Изображение не связанных причинно-следственной связью ситуаций, предметов и явлений, на которые обращает внимание рассказчик, мотивировано его передвижением и, следовательно, единством логики мышления и отношения — горестного сокрушения при виде окружающего неустройства. Предметы, которые в реальной жизни были бы восприняты как разрозненные, соединяются логикой мысли героя как своеобразная интерференция природно-вещного и социального начал [Кубасов, 2019].

Пространственной оппозиции *здесь/везде* соответствует противопоставление *сиюминутного* *вечному*, что подчеркнуто не частым в прозе использованием глаголов настоящего времени: «стою... и дышу»¹ («Дыхание», с. 533), «не пишут и громко не говорят» («Озеро Сегден», с. 534), «еще живем» («Отражение в воде», с. 540), «Я выхожу на окский косогор» («На родине Есенина», с. 547) и др., а также сочетанием настоящего времени с экскурсами в прошлое, с которыми связана тема истории России («Прах поэта», «Старое ведро», «Мы-то не умрем»). Но наиболее ярко это противопоставление проявляется в заключительном суждении общефилософского плана: «Мы стали ничтожной и благодарной частицей этого мира. Этого мира, в первый раз создавшегося сегодня — на наших глазах» («Гроза в горах», с. 541); «Страшно подумать: так и наши нескладные гиблые жизни, все взрывы нашего несогласия, стоны расстрелянных и слезы жен — все это тоже забудется начисто? Все это тоже даст такую законченную вечную красоту?..» («Город на Неве», с. 542) и др.

Намеченные оппозиции близкого и дальнего, настоящего и прошлого, сиюминутного и вечного вносят напряженность в картину мира, данную с точки зрения героя, расширяют конфликт, выраженный в произведениях цикла.

Пространственно-временная организация соответствует основному *сюжету* цикла — путешествию по России, преимущественно по Рязанскому краю, имеющему автобиографическую основу. Известно, что «Крохотки» являются результатом странствий автора по средней полосе России, точнее, Рязанскому краю: «С весны 1958-го начались совместные велосипедные походы по Рязанскому краю и за пределы области — на Оку, до Полян, в Солотчу, к ее старинному кремлю и прекрасному лесу, к лесному озеру Сегден в окрестностях Солотчи, в получасе езды от Рязани. В этих походах рождались первые “Крохотки”, сотканые из мгновений уколов красоты и горьких мыслей о поруганной родине» [Сараскина, 2018, с. 443].

Хроникальный сюжет, точнее, его схема, в которой события, положения, ситуации не связаны причинно-следственной связью, а соединены временной последовательностью, характерен для путевых заметок. Композиционное расположение «крохоток» обусловлено точкой зрения лирического героя-рассказчика, в обзор которого входят вершины гор, природные катаклизмы, река и озеро, равнины, крестьянский двор, лесной муравейник. Читателю предлагается следовать за

¹ Здесь и далее рассказы цикла «Крохотки» цит. по: [Солженицын, 2007, т. 1] с указанием названия и страниц.

взглядом героя, наблюдающего грозу, красоту озера, «жалкенького» утенка, радость Шарика, озабоченность муравьев. Утверждение равнозначности для философа всего живого от мала до велика (муравьев, утенка, собаки, мальчишек, колхозника, поэта, князя, хана) сказывается в расположении фрагментов цикла.

Разнородные эпизоды складываются в единую картину мира, в которой центральное место занимает *герой-рассказчик* — образ интеллигента советского периода (1950–1960-х годов) с его сложным душевным миром. Перенос акцента с сюжетного события на вызванные им переживания, с сюжетной интриги на психологию героя является характерной чертой и лирических произведений, и жанра рассказа. Душевное сокрушение, вызванное событиями прошлого и нынешним неустройством и запустением, проявляется в ряде случаев в горькой иронии: «А мы — мы на Венеру скоро полетим. Мы теперь, если все дружно возьмемся, — за двадцать минут целый мир перепашем» («Утенок», с. 536); «К Полонскому нельзя. Он — в зоне... Хотя постой... — Полонского-то вроде выкопали?.. Освободился, значит...» («Прах поэта», с. 538); «Разве это дело — навещать тех, кто есть не просит?.. Мы-то ведь никогда не умрем!» («Мы-то не умрем», с. 550). В сюжете выражен конфликт между гармоничностью «мира природы и безрадостности людского жизнеустройства... утверждением вечных ценностей жизни в противовес суетливым хлопотам дня» [Мешков, 1993, с. 31].

Общий конфликт цикла можно конкретизировать: он заключается в противоречии сознания патриота-интеллигента официальной идеологии, требующей от граждан «всеобщего удовлетворения», то есть оптимистической оценки своей жизни. Об этом Солженицын писал в книге «Бодался теленок с дубом»: «И изложил он [Демичев] мне, чего не надо и чего не хочет партия в произведениях (это очень четко, уже готовое было у него в голове): 1) пессимизма; 2) очернительства; 3) тайных стрел. (Я поразился, как точно было выражено третье, да будто прямо обо мне. Узнать бы, кто там у них формулировал?..)» [Солженицын, 2018, т. 28, с. 118]. Обращает на себя внимание, что в официальных кругах пессимистическое мировоззрение и «очернительство» как социально-политическая оценка понимались как синонимы.

Тот же конфликт прослеживается и в *системе персонажей*, в которой можно выделить группы действующих лиц, связанных с данным пространством. Рассказчик дает определенную этическую оценку тем, кто смирился со сложившимися условиями и (или) адаптировался к ним (те, кто «не пишут и громко не говорят» об озере Сегден, надзиратель с женой, Витька, «ковыряющий» и «долбающий» храм), и тем, кто не согнулся под гнетом обстоятельств, кто стремится на волю, жаждет свободы (человек в саду после дождя, рассказчик, прогуливающийся в запретной зоне возле озера Сегден, а также устремленные к жизни и воле утенок, Шарик, вязовое бревно). Обобщенный, притчевый характер рассказов подчеркивает местоимение *мы*, которое передает ощущение единства лирического героя не только с историческим прошлым, но и со всем тем, что он наблюдает в настоящем.

Несмотря на малый объем текста, в некоторых «крохотках» действует несколько персонажей, которые выстраиваются в определенную систему, как, например, в рассказе «Прах поэта», в котором даны зарисовки современников писателя [Костянян, 2022]. Трех временным пластам — ордынское иго (XIII век), конец XIX века, послереволюционная действительность — соответствуют три группы исторических персонажей: Ингварь Ингваревич, построивший Успенский монастырь (около 1220 года), украсивший родную землю и возвысивший души русских людей, «разрушитель наших земель, жестокий хан Батый» и Я. П. Полонский (1819–1898). В центре рассказа — история Полонского, завещавшего упокоить себя на родине, что и было выполнено современниками поэта: он был похоронен в Ольговом монастыре под Рязанью. Не названо, но читателями угадывается еще одно историческое событие, приведшее к радикальным негативным последствиям, когда рядом с храмом появилась исправительная колония. Именно контраст истории с современностью (было/стало) воплощает основной конфликт рассказа. Он проявляется не только в противопоставлении украшенности земли в древние времена современному безобразию, монастыря — колонии, но и в персонажной сфере, в которой можно обнаружить социальный аспект: трагические события, в которых участвуют князь и хан, и трагикомический диалог надзирателя с женой. Святыню Древней Руси, на которую не покусился враг, порушили местные жители. Разорение памятников духовной культуры сопровождалось душевным оскудением. Предки «облюбовывали» «красоту», а революционное и последующее поколения ее уничтожали. Рядом с полуразрушенным монастырем появились заборы с колючей проволокой и вышки надзирателей. Реальное событие — перезахоронение в 1958 году праха поэта Полонского на территории Рязанского кремля — стало основой для размышлений об общей трагичности истории.

Картина мира представлена в цикле первичным субъектом речи, максимально приближенным к автору, его речь резко отделена от высказываний других персонажей, но предполагает диалог с вполне определенным адресатом-единомышленником. Герой-рассказчик, с одной стороны, «сглаживает» разделение двух миров — реального и художественного, а с другой — обнаруживает условность изображенного мира, в котором сосуществуют две области: доступная и недоступная для восприятия персонажей. В «крохотках» отражены реальные проблемы первого послевоенного периода, общие черты разрушений не только материальных объектов, но и духовного надлома. Авторская позиция в цикле связана с утверждением эстетического идеала — красоты родной земли, и социального приоритета — справедливости и традиционности общественного устройства, устранения чуждых народной жизни порядков, навязанных злой силой и ведущих к вырождению.

Анализ художественного мира рассказов как особой реальности со своими пространственно-временными границами, сюжетом, разбитым на фрагменты, системой персонажей, связанных с первичным субъектом речи, ведущим диалог с воображаемой публикой, дает возможность постановки вопроса о *литературной традиции*, продолженной в цикле «Крохотки». Притчевость, обращение к простым вещам для наглядного объяснения глубоких жизненных закономерностей, утверждение в рассказах вечных идеалов правды, простоты, справедливости, обнаруживаемые в произведении Солженицына, во многом напоминают народные рассказы Л. Н. Толстого, написанные в 1880-е годы. Создание иллюзии реальности, лаконичность и краткость изложения, простота слога, ориентированного на устную речь, связанного с использованием народного языка с его подчеркнутой безыскусностью, — все свидетельствует о том, что адресатом являются читатели, восприимчивые к слову правды, которым чуждо все искусственное, официальное. Этим объясняется появление в рассказах ноток поучения. Дидактизм вызван и жанровой особенностью миниатюр, в первую очередь тех из них, в которых явно ощущается притчевое начало. Обусловленность хода размышлений рассказчика внешними, казалось бы, незначительными ситуациями, вещами, положениями, близка психологизму Толстого, показывающего процесс формирования мыслей и переживаний персонажей под влиянием окружающей обстановки.

Поиск гармонии в душе и мире характерен для писателей XIX и XX веков. Их сближает и то, что эстетический идеал Толстого в 1880-е годы связан с концепцией религиозного искусства; отзвуки этой концепции у Солженицына в 1950–1960-е годы можно обнаружить не только в предметном мире, где взгляд выделяет собор, монастырь, колокольню и другие знаки православного мира, но и в заключительном эпизоде цикла — в «Молитве».

Заключение

Подводя итог всему сказанному, отметим, что анализ основных компонентов художественного мира произведений, составляющих цикл «Крохотки», его персонажей и связанных с ними ситуаций переносит внимание исследователя с реальной основы миниатюр на литературную традицию, в частности на черты притчи, характерные для народных рассказов Л. Н. Толстого. Дальнейшее изучение сопоставления двух циклов представляется необходимым и перспективным.

Список источников

1. Акелькина Е. А. Принципы художественного синтеза в организации целого в философских циклах миниатюр «Крохотки» А. И. Солженицына // Наука о человеке: гуманитарные исследования. — 2019. — № 2 (36). — С. 10–14.
2. Галанинская С. В. «Крохотки» Александра Солженицына как продолжение жанровой традиции стихотворений в прозе в русской литературе. Некоторые аспекты // Александр Солженицын: взгляд из XXI века : материалы междунар. науч. конф. — М. : Рус. путь, 2019. — С. 368–374.
3. Галанинская С. В. Синтез стиха и прозы в «Крохотках» Александра Солженицына: развитие некоторых жанровых особенностей стихотворений в прозе // Синтез в русской и мировой художественной культуре : материалы XXI Всерос. науч.-практ. конф. — М. ; Ярославль : Агентство «Литера», 2021. — С. 30–36.
4. Гехтляр С., Пугачева О. Архитектоника текста как показатель жанровой принадлежности (на примере «Крохоток» А. И. Солженицына) // Вестник Брянского государственного университета. — 2012. — № 2. — С. 273–276.
5. Кизима М. П. Жанровое своеобразие малых форм прозы А. И. Солженицына («Крохотки» 1958–1963, 1996–1999) // Вестник Томского государственного университета. — 2020. — № 3. — С. 191–208.
6. Колобаева Л. А. «Крохотки»: феномен Солженицына // Литературное обозрение. — 1999. — № 1. — С. 39–44.

7. Костанян Н. Н. Наследие нашего прошлого. Философские зарисовки А. И. Солженицына о современности и современниках (по рассказам-крохоткам): из цикла «Понимание и толкование значимых текстов русской литературы». — М. : Буки Веди, 2022. — 110 с.
8. Кубасов А. В. Интерференция природно-вещного и социального начал в «Крохотках» А. И. Солженицына // Александр Солженицын: взгляд из XXI века : Материалы междунар. науч. конф. — М. : Рус. путь, 2019. — С. 375–382.
9. Мешков Ю. А. Александр Солженицын. Личность. Творчество. Время. — Екатеринбург : Диамант, 1993. — 101 с.
10. Нива Ж. Postage: Monde en miniature et *gravité* du monde... / пер. с фр. Т. Викторовой // Soljénitsyne A. *Études & Miniatures Крохотки* / trad. par L. Nivat et N. Struve ; postfage de G. Nivat. — Paris : YMCA-Press, 2018. — Pp. 92–111.
11. Орлицкий Ю. «Крохотки» А. Солженицына в контексте традиций русской «малой прозы» // Русская классика XX века: пределы интерпретации. — Ставрополь : СГПУ, 1995. — С. 80–86.
12. Сараскина Л. Солженицын. — 2-е изд. — М. : Молодая гвардия, 2018. — 959 с.
13. Солженицын А. И. Этюды и крохотные рассказы // Грани. — Frankfurt a/M., 1964. — № 56. — С. I–XI.
14. Солженицын А. И. Собрание сочинений : в 30 т. / ред.-сост. Н. Солженицына. — М. : Время, 2007–2018. — Т. 1. — 2006. — 666 с. ; Т. 28. — 2018. — 768 с.
15. Урманов А. Материальное и идеальное в ранних «Крохотках» (о мирозерцании Солженицына) // Малые жаровые формы в творчестве А. Солженицына. Художественный мир. Поэтика. Культурный контекст. — Благовещенск : Благовещенский гос. пед. ун-т, 2011. — С. 41–61.
16. Цынк С. В. Образ автора в именной молитве А. И. Солженицына // Научное обозрение: гуманитарные исследования. — 2017. — № 12–13. — С. 55–62.

References

1. Akelkina E. A. Principles of artistic synthesis in the organization of the philosophical series of miniatures *Krokhotki* by A. I. Solzhenitsyn. *Nauka o cheloveke: gumanitarnyye issledovaniya* [Science of Man: Humanitarian Research]. 2019, iss. 2 (36), pp. 10–14. (In Russian).
2. Galaninskaya S. V. Alexander Solzhenitsyn's *Krokhotki* as a continuation of the tradition of Russian poems in prose. A few aspects. *Aleksandr Solzhenitsyn: vzglyad iz XXI veka: materialy mezhdunar. nauch. konf.* [Alexander Solzhenitsyn: a view from the XXI century: materials of the international scientific conf.]. Moscow, Russian Way Publ., 2019, pp. 368–374. (In Russian).
3. Galaninskaya S. V. Synthesis of verse and prose in Alexander Solzhenitsyn's *Krokhotki*: development of some genre features of poems in prose. *Sintez v russkoy i mirovoy khudozhestvennoy kulture: materialy XXI Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Synthesis in Russian and world artistic culture: materials of the XXI All-Russian. scientific-practical. conf.]. Moscow, Yaroslavl, Agency “Litera” Publ., 2021, pp. 30–36. (In Russian).
4. Gekhtlyar S., Pugacheva O. Text architectonics as an indicator of genre identity (as illustrated in A. I. Solzhenitsyn's *Krokhotki*). *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Bryansk State University]. 2012, iss. 2, pp. 273–276. (In Russian).
5. Kizima M. P. Genre originality of A. I. Solzhenitsyn's shorter prose (*Krokhotki* 1958–1963, 1996–1999). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. 2020, iss. 3, pp. 191–208. (In Russian).
6. Kolobaeva L. A. *Krokhotki*: the phenomenon of Solzhenitsyn. *Literaturnoye obozreniye* [Literary Review]. 1999, iss. 1, pp. 39–44. (In Russian).
7. Kostanyan N. N. *Naslediye nashego proshlogo. Filosofskiye zarisovki A. I. Solzhenitsyna o sovremennosti i sovremennikakh (po rasskazam-krokhotkam): iz tsikla “Ponimaniye i tolkovaniye znachimykh tekstov russkoy literatury”* [The legacy of our past. Philosophical sketches by A. I. Solzhenitsyn about modernity and contemporaries (based on tiny stories): from the cycle “Understanding and Interpreting Significant Texts of Russian Literature”]. Moscow, Buki Vedi Publ., 2022, 110 p. (In Russian).
8. Kubasov A. V. Interference of material things and social principles in A. I. Solzhenitsyn's *Krokhotki*. *Aleksandr Solzhenitsyn: vzglyad iz XXI veka: Materialy mezhdunar. nauch. konf.* [Alexander Solzhenitsyn: a view from the XXI century: Proceedings of the Intern. scientific conf.]. Moscow, Russian Way Publ., 2019, pp. 375–382. (In Russian).
9. Meshkov Yu. A. *Aleksandr Solzhenitsyn. Lichnost. Tvorchestvo. Vremya* [Alexander Solzhenitsyn. Personality. Creation. Time]. Yekaterinburg, Diamant Publ., 1993, 101 p. (In Russian).
10. Nivat G. Postage: Monde en miniature et *gravité* du monde... Transl. from French by T. Viktorova. *Soljénitsyne A. Études & Miniatures Krokhutki*. Trad. par L. Nivat et N. Struve; postfage de G. Nivat. Paris, YMCA-Press Publ., 2018, pp. 92–111. (In Russian).
11. Orlicky Yu. A. Solzhenitsyn's *Krokhotki* in the context of the traditions of Russian “small prose”. *Russkaya klassika XX veka: predely interpretatsiyi* [Russian classics of the XX century: the limits of interpretation]. Stavropol, SGPU Publ., 1995, pp. 80–86. (In Russian).
12. Saraskina L. *Solzhenitsyn, 2-ye izd.* [Solzhenitsyn, 2nd ed.] Moscow, Molodaya Gvardia Publ., 2018, 959 p. (In Russian).

13. Solzhenitsyn A. I. Etudes and tiny stories. *Grani* [Facets]. Frankfurt am Main, 1964, iss. 56, pp. I–XI. (In Russian).
14. Solzhenitsyn A. I. *Sobraniye sochineniy: v 30 t.* [Collected works: in 30 vols.]. Ed. N. Solzhenitsyna. Moscow, Vremya Publ., 2007–2018, vol. 1, 2006, 666 p., vol. 28, 2018, 768 p. (In Russian).
15. Urmanov A. The Material and the Ideal in the Early *Krokhotki* Series (about Solzhenitsyn's worldview). *Malye zhanrovyye formy v tvorchestve A. Solzhenitsyna. Khudozhestvennyy mir. Poetika. Kulturnyy kontekst* [Small genre forms in the work of A. Solzhenitsyn. Artistic world. Poetics. Cultural context]. Blagoveshchensk, Blagoveshchensk state. ped. University Publ., 2011, pp. 41–61. (In Russian).
16. Tsynk S. V. The image of the author in the nominal prayer of A. I. Solzhenitsyn. *Nauchnoye obozreniye: gumanitarnyye issledovaniya* [Scientific Review: Humanitarian Studies]. 2017, iss. 12–13, pp. 55–62. (In Russian).

Информация об авторах

Романова Галина Ивановна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Московского городского педагогического университета.

Сфера научных интересов: теория литературы, история русской литературы.

Рябцева Юлия Андреевна — старший научный сотрудник отдела «Музей-квартира Александра Солженицына» Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына.

Сфера научных интересов: история русской литературы XX века, творчество А. И. Солженицына.

Information about the authors

Romanova Galina Ivanovna — doctor of philology, professor of the Department of Russian Literature, Moscow City Pedagogical University.

Research interests: theory of literature, history of Russian literature.

Ryabtseva Yuliya Andreyevna — senior researcher at the Alexander Solzhenitsyn Memorial Museum, Department of Alexander Solzhenitsyn's House of Russian Emigre Studies.

Research interests: history of Russian literature of the 20th century, works of A. I. Solzhenitsyn.

Статья поступила в редакцию 29.01.2023; принята к публикации 01.03.2023.

The article was submitted 29.01.2023; accepted for publication 01.03.2023.